

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ
Социальная структура, социальные институты и процессы.
Политическая социология
CHANGING SOCIETY
Social Structure, Social Institutions and Processes. Political Sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-114-139](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-114-139)

Мировая политика: социологический анализ актуальных процессов

Валентина Вячеславовна Комлева ✉

Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций, Москва, Россия
komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

Аннотация. В статье рассматривается современная мировая политика как сложная и динамичная система социальных взаимодействий. Обосновывается необходимость применения социологического подхода к исследованию мировой политики, который позволяет глубже понять причины нестабильности современного мира, трансформацию суверенитета и изменение роли общества в современных международных отношениях XXI в. Социологический анализ позволяет раскрыть взаимосвязь между социальными процессами и политической динамикой международных отношений. В исследовании применяется системный, структурно-функциональный, институциональный и диалектический подходы. На этой основе раскрывается критическая масса социальных противоречий, накопившихся к настоящему времени и проявившихся в трансформации мировой системы, снижении доверия государствам и международным институтам. Рассматривается обновление структуры международных акторов и особенности их сетевого взаимодействия. Анализируются акторные и содержательные изменения в политической социализации людей и государств. Отдельное внимание уделяется закономерностям принятия внешнеполитических решений и ошибкам политических элит, возникающим под влиянием группового мышления и использования исторических аналогий. Исследование доказывает, что мир находится в транзитной фазе между старым либеральным миропорядком и новой, фрагментированной и эгоистичной социальной реальностью. Современная

мировая политика находится в состоянии структурного и нарративного транзита, при котором эрозия прежнего порядка сопровождается фрагментацией социальных связей, кризисом институционального доверия, конкуренцией коллективных идентичностей, исторической памяти и нормативных проектов будущего устройства мира. Формирующаяся многополярность является не только изменением баланса сил, но и борьбой за новое понимание легитимности, суверенитета, развития и безопасности в XXI в.

Ключевые слова: мировая политика, социология международных отношений, мировой порядок, глобализация, цивилизация, суверенитет, легитимность, политическая социализация, идентичность, внешняя политика, многополярность

Для цитирования: Комлева В.В. Мировая политика: социологический анализ актуальных процессов // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 3(21). С. 114-139, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-114-139](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-114-139)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-114-139](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-114-139)

World Politics: A Sociological Analysis of Current Processes

Valentina V. Komleva ✉

National Research Institute for the Communications Development, Moscow,
Russia
komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

Abstract. This article examines contemporary global politics as a complex and dynamic system of social interactions. It substantiates the need to apply a sociological approach to the study of global politics, which allows for a deeper understanding of the causes of instability in the modern world, the transformation of sovereignty, and the changing role of society in contemporary international relations in the XXI century. Sociological analysis reveals the relationship between social processes and the political dynamics of international relations. The study utilizes systemic, structural-functional, institutional, and dialectical approaches. This approach reveals the critical mass of social contradictions that have accumulated to date, manifested in the transformation of the global system and the decline in trust in states and international institutions. The renewal of the structure of international actors and the specifics of their network interactions are examined. Actor-based and substantive changes in the political socialization of individuals and states are analyzed. Particular attention is paid to the patterns of foreign policy decision-making and the mistakes of political elites, which arise under the influence of groupthink and the use of historical analogies. The study demonstrates that the world is in a transitional phase between the old liberal world order and a new, fragmented, and selfish social reality. Contemporary global politics is in a state of structural and narrative transition, in which the erosion of the old order is accompanied by the fragmentation of social ties, a crisis of institutional trust, competition between collective identities, historical memory, and normative projects for the future global order. The emerging multipolarity represents not only a shift in the

balance of power but also a struggle for a new understanding of legitimacy, sovereignty, development, and security in the XXI century.

Keywords: world politics, sociology of international relations, world order, globalization, civilization, sovereignty, legitimacy, political socialization, identity, foreign policy, multipolarity

For citation: Komleva V.V. World Politics: A Sociological Analysis of Current Processes. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 3(21): 114-139, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-114-139](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-114-139)

Введение

Современная мировая политика является сложной изменяющейся системой взаимодействий, в которой переплетаются интересы государств, международных организаций, транснациональных корпораций, общественных движений, многочисленных социальных групп и ряда личностей. В этой связи анализ мировой политики только с точки зрения политологии недостаточен. Применение социологического подхода позволяет выявить социальные основания, механизмы и долгосрочные общественные последствия процессов, происходящих в мировой политике. Социология позволяет рассматривать мировую политику не только как сферу действия международных институтов, но и как пространство взаимодействия разных социальных акторов, ценностей, норм, интересов и коллективных представлений. Социологический подход позволяет глубже понять формирующиеся международные сети взаимодействий, современные конфликты, кризисы идентичности, миграции, трансформацию национального суверенитета, последствия распространения новых форм коммуникации, роль общественного мнения и механизмы его формирования и др. С этих позиций социология мировой политики представляется весьма актуальным, самостоятельным направлением исследований.

Целью данной статьи является социологический анализ некоторых критически значимых процессов современной мировой политики, определяющих долгосрочные тенденции ее развития. Основные идеи и выводы исследования были доложены в ходе пленарного доклада на тему «Логика современной мировой политики: социологический взгляд» на X Международной конференции «Россия и мир: диалоги – 2026. Новая реальность» (Москва, 20.05.2026).

Материалы и методы

В качестве материалов исследования использованы статистические данные, аналитические доклады и отчеты, государственные документы рассматриваемых в публикации стран, научные публикации в области социологии, психологии,

политологии и международных отношений. В работе применялись системный, институциональный, структурно-функциональный подходы, диалектический и акторный анализы, сравнительный метод. Для аргументации ряда выводов и положений были использованы статистические данные международных и государственных официальных институций, материалы сравнительного анализа восприятия миропорядка и понимания своей роли четырьмя глобальными акторами (Россия, США, Китай, ЕС), проведенного автором статьи в 2026 г. по критериям коллективной идентичности, исторической памяти, главной ценности и образа мира.

Результаты исследования

Социальные противоречия и современная мировая политика

Мировая политика определяется нами как сфера общественной жизни, связанная с завоеванием, реализацией, удержанием власти в глобальном сообществе, распределением ресурсов, принятием решений, согласованием интересов разных групп и в итоге – формированием норм, правил, механизмов воспроизводства, легитимизации и управляемости международного порядка. Сложившаяся к настоящему времени система международных отношений (со всеми присущими ей противоречиями) во многом является результатом действий и решений акторов мировой политики.

Противоречия, о которых пойдет речь далее, накапливались годами, обострялись, комплексно увязывались между собой и в конце концов оформились в критическую массу, которая спровоцировала кардинальные качественные международные изменения. К 2025–2026 гг. накопление противоречий в международной системе проявилось на нескольких направлениях.

Во-первых, высокий уровень глобального социального неравенства. По данным UN DESA World Social Report 2025¹, значительная часть населения мира остается в состоянии бедности, неустойчивой занятости и имеет проблемы с продовольствием². По данным United Nations Sustainable Development Goals Report 2025, в 2025 г. около 9,9% населения мира живут в условиях крайней бедности³. Значительная часть населения мира, даже вне категории «крайней бедности»,

¹ World Inequality Report 2026 World Inequality Report 2026: Executive Summary. Paris: World Inequality Lab, 2026. URL: <https://wir2026.wid.world/insight/executive-summary/>.

² The State of Food Security and Nutrition in the World 2025: Addressing High Food Price Inflation for Food Security and Nutrition. Rome/New York: FAO et al., 2025. URL: <https://data.unicef.org/resources/sofi-2025/>.

³ United Nations Statistics Division. The Sustainable Development Goals Report 2025: Goal 1 – No Poverty. New York: United Nations, 2025. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2025/goal-01/>.

является экономически уязвимой⁴. Глобальная безработица в 2024 г. составила около 5%, а молодежная безработица – 12,6%⁵.

Во-вторых, усиливается социальный раскол, кризис доверия к институтам и недовольство элитами, так как социально уязвимые группы значительно реже доверяют правительствам и чаще ощущают свою исключенность из социальной, экономической, политической жизни. В странах ОЭСР (где возможно сопоставить данные) только 39% респондентов выражают высокий или умеренно высокий уровень доверия национальному правительству. Доля людей с низким доверием увеличилась с 40 до 43%⁶. Недовольство элитами становится не маргинальным, а нормальным контекстом политики, что хорошо иллюстрирует исследование Edelman Trust Barometer 2025. Согласно этому исследованию, 61% респондентов в мире демонстрируют умеренный или высокий уровень чувства обиды и несправедливости. Около 40% респондентов (53% – показатель среди молодежи) в той или иной степени одобряют «враждебный активизм»⁷.

В-третьих, одновременно с названными тенденциями меняется баланс сил. Китай и страны Глобального Юга (в том числе в формате БРИКС) выступают за реформы международных институтов и более справедливое распределение влияния. Рост амбиций стран Глобального Юга имеет не только социально-политическую, но и материальную основу. В 2024 г. страны БРИКС-11 обеспечивали около 40,2% мировой экономики по паритету покупательной способности. Для сравнения: доля стран G7 оценивалась примерно в 28,8% в 2024 г. и 28,4% в 2025 г. Страны БРИКС также объединяют более 40% населения мира⁸ и открыто заявляют о необходимости более представительного, справедливого и реформированного международного порядка, реформы ООН, Совета Безопасности ООН, Бреттон-Вудских институтов, увеличения представительства развивающихся стран, а также роли Глобального Юга как самостоятельного источника инициатив и изменений, а не объекта политики Запада⁹.

Китайские амбиции имеют не только экономическую, но и военно-стратегическую направленность. По данным SIPRI, военные расходы Китая в

2025 г. выросли на 7,4% и растут уже 31-й год подряд. Это показывает, что речь идет не только о риторике многополярности, но и о наращивании силовых возможностей для реализации этой идеи, что подтверждается статистикой и аналитическими исследованиями [29].

В-четвертых, в сфере безопасности не сняты противоречия между требованиями неделимой безопасности и политикой расширения и сдерживания. Россия ссылается на принцип неделимой безопасности, зафиксированный в документах ОБСЕ, в том числе в Астанинской декларации 2010 г., где говорится о стремлении к единому и неделимому сообществу безопасности в Евро-Атлантике и Евразии¹⁰. Запад же действует в логике сдерживания. В Hague Summit Declaration NATO 2025 Россия названа долгосрочной угрозой евроатлантической безопасности, а союзники по НАТО обязались к 2035 г. ежегодно направлять 5% ВВП на оборонные и связанные с безопасностью расходы, из которых 3,5% ВВП – на основные оборонные потребности¹¹. Данные SIPRI 2026 подтверждают, что речь идет о системной милитаризации. В течение последних 11 лет растут мировые военные расходы. В 2025 г. они увеличились на 2,9% и достигли 2,887 трлн долл. США. Военные расходы Европы выросли на 14%, расходы европейских стран НАТО – до 559 млрд долл. США, расходы России – до 190 млрд долл. США, а расходы Украины – до 84,1 млрд долл. США (около 40% ВВП Украины). Это отражает не урегулирование противоречий безопасности, а их переход в режим долгосрочного военного противостояния [29]. Таким образом, российские требования о юридически закреплённых гарантиях безопасности не были институционализированы в новой общеевропейской архитектуре, а западные страны все активнее применяют политику сдерживания, расширения оборонных расходов и долгосрочной военной конфронтации.

В-пятых, внутренние противоречия характерны и для феномена глобализации, характеризовавшего мир в последнее время. Экономическая взаимозависимость, воспринимавшаяся как фактор мира и взаимной выгоды, стала использоваться как инструмент давления. В условиях политических конфликтов зависимость от внешних поставок, рынков, технологий, финансовых каналов и логистических маршрутов становится фактором риска. Государства, контролирующие ключевые узлы глобальных сетей, могут использовать их для принуждения других акторов. По сути, глобализация не только не устранила конфликтность мировой политики, но и дополнила ее инструменты.

Одним из социальных эффектов глобализации стало появление глобального класса (IT-специалисты, финансисты, топ-менеджеры ТНК и т.п.), который выиграл от связанности мира и глобального рынка. Однако рабочие и средний класс стали терять рабочие места, чувство стабильности (нередко из-за миграции и переноса

4 World Bank Group. June 2025 Update to Global Poverty Lines. Washington, DC: World Bank, 5 June 2025. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/factsheet/2025/06/05/june-2025-update-to-global-poverty-lines>.

5 World Employment and Social Outlook: Trends 2025. Geneva: ILO, 2025. DOI: <https://doi.org/10.54394/IZLN1673>. URL: <https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/report/World-employment-and-social-outlook-Trends/995632443102676>.

6 Government at a Glance 2025. Paris: OECD Publishing, 2025. DOI: <https://doi.org/10.1787/0efd0bcd-en>. URL: https://www.oecd.org/en/publications/government-at-a-glance-2025_0efd0bcd-en.html.

7 Edelman Trust Institute. 2025 Edelman Trust Barometer: Trust and the Crisis of Grievance – Global Report. New York: Edelman, 2025. URL: <https://www.edelman.com/trust/2025/trust-barometer>.

8 “BRICS GDP outperforms global average, accounts for 40% of world economy.” Brasília/Rio de Janeiro: BRICS Brazil, 2 May 2025. URL: <https://brics.br/en/news/brics-gdp-outperforms-global-average-accounts-for-40-of-world-economy>.

9 Rio de Janeiro Declaration: Strengthening Global South Cooperation for a More Inclusive and Sustainable Governance. Rio de Janeiro: BRICS Brazil, 6 July 2025. URL: <https://brics.br/en/documents/presidency-documents/250705-brics-leaders-declaration-en.pdf>.

10 Organization for Security and Co-operation in Europe. Astana Commemorative Declaration: Towards a Security Community. Astana: OSCE, 3 December 2010. URL: <https://resources.osce.org/sites/default/files/f/documents/b/6/74985.pdf>.

11 North Atlantic Treaty Organization. The Hague Summit Declaration. The Hague/Brussels: NATO, 25 June 2025. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2025/06/25/the-hague-summit-declaration>.

заводов в другие страны) и свой культурный статус. Как следствие, возникло противоречие между глобальным классом и национальным классом (борьба людей Anywhere (из любого места) и Somewhere (из конкретного места) по Д.Гудхарту [19]). По мнению Д.Гудхарта, это противоречие породило феномен Трампа в США и правых популистов в Европе. Чтобы удержать власть, они вынуждены ломать и перестраивать глобальные институты и возвращать жесткий «национал-эгоизм».

В-шестых, отметим противоречия, связанные с демографическими процессами и демографическим поведением. Мир расколот на стареющий богатый Север и молодой бедный Юг. Это порождает миграционное давление, а тема миграции секьюритизируется и становится одним из главных триггеров внешней политики. Страх перед потерей культурной идентичности заставляет общества закрываться, порождая правый радикализм и ксенофобию, что блокирует международное сотрудничество.

На стыке демографии и социологии фиксируется еще одна особенность – ментальный разрыв между поколениями, управляющими мировой политикой, и поколениями, которые будут жить в будущем. Мировые лидеры (в силу возраста) социализировались в эпоху холодной войны или ранней глобализации. Их мышление привязано к границам, ядерному сдерживанию и классическим альянсам. Молодежь (зумеры и поколение «альфа») социализируется в сетевых сообществах без границ. Молодые люди по всему миру все меньше доверяют решениям своих правительств, считая их «устаревшими» и «эгоистичными». Это проявляется в разных моделях поведения молодежи, в числе которых и радикальные протесты.

Наблюдается и такая поведенческая модель, как молчаливое сопротивление молодежи через отказ от воспроизводства. Женщины отказываются рожать детей в условиях отсутствия поддержки, оплачиваемого отпуска, доступного ухода за детьми и справедливого распределения семейной нагрузки. Идет борьба за репродуктивный труд женщин [12]. В развитых странах и крупных экономиках Азии (Южная Корея, Китай, Япония) возникают такие феномены социальной изоляции, как хикикомори [38; 44] и философия «лежания плашмя» (tangping). На примере Китая исследователи отмечают, что tangping – это желание уйти от гиперконкуренции в образовании и на рынке труда [46]. Некоторые исследователи считают, что tangping бросает вызов «китайской мечте» и превращению Китая в сильную державу [41] и создает угрозу не только экономике, но и военной безопасности [40]. Проблемы социальной изоляции в Южной Корее исследователи связывают с критикой пронаталистской политики государства и с идеей будущего вне «репродуктивного будущего» государства [28]. По сути, молодое поколение отказывается поставлять демографический и экономический ресурс государствам для их геополитических амбиций.

Страны с низкой рождаемостью сталкиваются со старением населения, ростом нагрузки на социальные системы, сокращением рабочей силы и потенциальным ослаблением военного и технологического потенциала.

Это подрывает долгосрочную мощь стран. Иными словами, репродуктивное поведение перестает быть только частным выбором и становится фактором мировой политики. Это особенно важно в условиях обострения международной конкуренции, когда долгосрочная мощь государства зависит не только от ВВП и вооружений, но и от способности воспроизводить человеческий капитал.

В 2020-е гг. критическая масса рассмотренных выше противоречий перешла в новое качество, которое выразилось в демонтаже старого миропорядка. Точку невозврата сформировали пандемия, конфликт на Украине, эскалация на Ближнем Востоке, торговые войны.

В ближайшие годы вряд ли удастся урегулировать эти противоречия и решить связанные с ними проблемы. Более того, высока вероятность того, что их число пополнится новыми проблемами, которые будут связаны с критическим объемом социальной фрустрации (неудовлетворенных и неоправданных ожиданий), институциональным недоверием, технологической зависимостью, ресурсной конкуренцией, а в перспективе – противоречиями постгуманистических обществ.

Структурные изменения мировой политики

На протяжении последних веков мировая политика была «государствоцентричной». Это была понятная иерархическая структура, где главными элементами были суверенные государства. В настоящее время сложилась иная структура – сложная сетевая матрица, в которой действуют новые акторы и складываются новые блоки.

В структуру мировой политики вошли такие новые акторы, как глобальные технологические платформы и экосистемы искусственного интеллекта (Big Tech). Такие корпорации, как Google, Apple, Amazon, Meta^{*12}, Microsoft, TikTok, X^{*13}, Alibaba, Tencent, сегодня обладают властью. Они контролируют не только потоки информации, но и когнитивное пространство и эмоциональные состояния миллиардов людей. Х. ван Дейк, Т.Пул и М. де Ваал убедительно показывают, как платформы проникли вглубь общества, меняя рынки, труд, демократию, образование, здравоохранение, медиа и публичные ценности [48]. Государства уже не управляют единолично своими гражданами. Они вынуждены взаимодействовать с цифровыми гигантами, признавая их частью глобальной правящей структуры. В ближайшей перспективе это не приведет к исчезновению государства, но с высокой долей вероятности приведет к ослаблению государственного суверенитета, и государства будут делить контроль над обществом с владельцами платформ, данных и искусственного интеллекта.

12 *Meta на территории Российской Федерации признана экстремистской организацией и запрещена (решение Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022), 18+.

13 *Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением недостоверной общественно значимой информации, 18+.

Другая особенность – в структуре акторов мировой политики активизировались сети гражданских активистов, которые размывают роль профессиональных институтов. Например, гражданская журналистика размывает роль официальных СМИ. Сетевая милитаризация общества размывает роль военной организации. Так, обычные люди, объединенные в сетевые структуры (Telegram-каналы, сообщества в X¹⁴ или Discord), пытаются напрямую влиять на ход конфликтов. Они собирают миллионы долларов на дроны и гуманитарную помощь, ведут масштабные информационные кампании, парализуя решения официальных властей. Каждый человек со смартфоном может стать «командиром батальона» в ментальной и информационной войне. Гражданские сети пытаются решать проблемы справедливости и равенства, которые не удается решить государствам и международным институтам. Л.Беннетт и А.Сегерберг на примерах масштабных действий с использованием инклюзивных дискурсов («Мы – 99%»), установления связей между разрозненными физическими группами протестного движения «Захвати Уолл-стрит» показывают «логику связующего действия» и то, как организуется власть в сетях и каких политических результатов они могут добиться [8].

На фоне развития разных видов общественной дипломатии и дипломатии «второго трека» размывается роль профессиональных дипломатов и международных чиновников (ООН, ВОЗ, ВТО). Решения принимаются в закрытых чатах мессенджеров, на закрытых клубах миллиардеров или через прямые отношения лидеров поверх международных правил. Международное право как институт в последние годы практически не выполняет своих функций.

Кроме указанных особенностей структуры современной мировой политики, отметим и пересборку ее акторов. Прежняя глобальная структура, где был один лидер (США) и единые правила игры, по сути, распалась. Мировая политика пересобирается в новую структуру макрорегионов (блоков): блок Запада, блок Глобального Юга и Востока (БРИКС+), Китай с автономной технологической и военной экосистемой и др. Каждая из этих групп строит свои закрытые системы – финансовые, культурно-идеологические и др. – и вводит свои стандарты. Между «ядрами» разных блоков коммуникация весьма осложнена и практически нет доверия. Поэтому политика делается не с помощью универсальных институтов, а с помощью временных коалиций, региональных союзов, двусторонних сделок, «клубных» решений.

Некоторые особенности принятия внешнеполитических решений, связанные с закономерностями социальной жизни и группового поведения

Синдром группового мышления ближайшего окружения лиц, принимающих политические решения. Государства совершают внешнеполитические ошибки

¹⁴ *Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением недостоверной общественно значимой информации, 18+.

по разным причинам, но часть из них связана с особенностями поведения и действий малых групп, окружающих лидеров (президентов, премьеров). Для этих групп характерна определенная закономерность, согласно которой стремление к внутреннему согласию становится важнее, чем критический анализ реальности. Рассмотрим этот случай подробнее.

В условиях политического или внешнеполитического кризиса вокруг лидера, как правило, формируется ограниченный круг доверенных лиц, обладающих прямым доступом к процессу принятия решений. Внутренняя логика функционирования такой группы часто строится на поддержании консенсуса и демонстрации лояльности. В результате несогласие или критическая оценка ситуации могут восприниматься не как часть аналитической работы, а как проявление нелояльности. В этих условиях появляется самоцензура, то есть участники группы начинают отбирать и интерпретировать информацию таким образом, чтобы она соответствовала ожиданиям лидера и не угрожала их положению внутри властной иерархии. Альтернативные сценарии и неудобные экспертные оценки постепенно вытесняются. Это приводит к формированию искаженной картины реальности, на основе которой политический лидер принимает решения, опираясь не на полный спектр информации, а на версию событий (предварительно отфильтрованную окружением и безопасную для этого окружения). Это и приводит к фатальным ошибкам. В качестве примеров такого механизма исследователи анализируют некоторые просчеты во внешнеполитических решениях США [23].

В условиях перманентного кризиса, в котором находится современная политика (войны, санкционные конфликты, пандемия, технологическое соперничество, миграционные кризисы, энергетическая нестабильность), этот синдром группового мышления проявляется все чаще. Решения принимаются быстро, в узком кругу, в условиях дефицита времени и высокой ставки. Это усиливает роль ближайшего окружения лидера, спецслужб, советников и аппаратных групп, но одновременно снижает возможность внешней проверки, парламентской критики, независимой экспертизы и публичного обсуждения.

Актуализация рассматриваемого синдрома группового мышления происходит и на фоне роста идеологической и корпоративной лояльности внутри институтов. Чиновники, аналитики и советники понимают, какие выводы являются «допустимыми», а какие могут быть восприняты как нелояльность или стать предметом внимания правоохранительных органов. Поэтому самоцензура становится рациональной карьерной стратегией.

Внутриэлитная конкуренция и ведомственная борьба за внешнеполитический курс. Внешняя политика нередко является результатом внутренней борьбы между различными группами влияния, министерствами и ведомствами (классическая модель бюрократической политики Грэма Аллисона [5]). Решения высокого уровня (например, введение санкций, отправка войск, подписание экономических соглашений, инвестиции) могут быть не оптимальным выбором, а компромиссом, который был достигнут в ходе борьбы разных групп

(с разными интересами) за ресурсы и влияние на «первое лицо». Военные структуры могут настаивать на силовых сценариях, дипломатические ведомства – на переговорах, спецслужбы – на закрытых операциях, экономический блок – на минимизации издержек и либерализации. В результате итоговое решение часто представляет собой баланс влияния внутри правящей коалиции. В последние годы ведомства активнее борются за влияние на лидера и повестку, потому что в условиях кризисов резко возрастает цена решения. От выбранного курса зависят бюджеты, полномочия, кадровые назначения, доступ к информации и близость к лидеру.

Ограничения когнитивных возможностей лиц, принимающих решения, в условиях быстро меняющейся реальности и стресса. Мировая политика в последние годы развивается в режиме постоянной чрезвычайности. Лидеры вынуждены принимать решения в условиях экстремального дефицита времени и избытка как информации, так и дезинформации. Доказано, что в состоянии перманентного стресса человеческий мозг физиологически отключает долгосрочное планирование, снижается способность к долгосрочному, рефлексивному и многофакторному анализу. Стресс нарушает когнитивный контроль, рабочую память, регуляцию поведения и сложное принятие решений [6]. Решения принимаются, как правило, на основе когнитивных эвристик, эмоционально окрашенных представлений об угрозе и на основе исторических аналогий, которые могут неадекватно переносить опыт прошлого на актуальную ситуацию. Имеющиеся убеждения и когнитивная закрытость искажают восприятие угроз, намерений противника и вариантов действия [1; 47]. Например, Хонг (анализируя решения США по Вьетнаму в 1965 г. по аналогии с Кореей, Мюнхеном и Дьенбьенфу) показывает, как аналогии структурируют восприятие кризиса и выбор решений [26]. Аналогии помогали определять угрозу, оценивать ставки, выбирать варианты действий, но одновременно упрощали реальность и вели к ошибочным выводам. В данном контексте интересны исследования использования исторических аналогий европейскими лидерами и руководством Украины после начала СВО. Так, И.Калхусова, сравнивая реакции Германии, Польши и Чехии на СВО, приходит к выводу, что «обоснования поддержки Украины формировались скорее на основе собственных исторических травм этих государств, чем на основе сочувствия к Украине, поддержки международного права или желания отстаивать основанный на правилах международный порядок» [25]. А.Менон, Й.Абрамсон, Д.Дулэй и П.Джонс провели исследования в четырех странах, где Зеленский произносил речи, богатые историческими аналогиями (Великобритания (Вторая мировая война), США (Перл-Харбор и 11 сентября), Германия и Израиль (Холокост)). Авторы пришли к выводу, что «только в Израиле, где внутренняя помощь Украине воспринималась как недостаточная, ознакомление с отрывками повысило поддержку помощи Украине. Наши выводы свидетельствуют о том, что убедительный потенциал исторических аналогий ограничен» [35]. Иными словами, акторы, использующие метод исторических аналогий, могут делать ошибочные выводы и принимать

ошибочные решения, иметь завышенные ожидания эффектов, так как реальный результат от использования исторических аналогий не соответствует их представлениям.

Приоритет внутренней управляемости. Внешнеполитические решения рассматриваются не только с точки зрения реализации внешних интересов государств, но и с точки зрения их последствий для внутривнутриполитической ситуации. Для властных политических элит важно сохранять управляемость, устойчивость и воспроизводство власти. Поэтому внешняя политика, реакции на действия других стран (как дружественных, так и недружественных) часто обусловлены внутренними задачами, хотя со стороны могут казаться нелогичными или недружественными. Внешнеполитические сюжеты используются и для внутренней мобилизации. Современные политики действуют в условиях постоянных рисков (кризисы, санкции, инфляция, миграционные конфликты, технологическая конкуренция и социальное неравенство), что провоцирует недовольство властью среди населения. И чем слабее внутренняя устойчивость режима, тем сильнее «соблазн» перевести социальное недовольство во внешнеполитическую мобилизацию. Конструирование образа внешнего врага позволяет объяснить внутренние или внешние проблемы действиями противника, временно снизить давление на власть и мобилизовать население вокруг лидера [18]. Эта стратегия на некоторое время может повысить легитимность действий власти, мобилизацию населения и нейтрализовать оппозиционную критику, но в перспективе она сужает возможности межгосударственных взаимодействий и компромиссов.

Новые социальные качества мировой политики

Нормализация чрезвычайного. В последние десятилетия чрезвычайное перестало быть ситуативным и уже не рассматривается как временное нарушение порядка, а становится постоянной средой жизни людей, обществ, государств и нормой управления мировой политикой. Существуют исследования, показывающие, как кризисы, терроризм, преступность, миграции, социальная нестабильность связываются в единую «политику тревоги» [10]. Состояние постоянной тревоги поглощает когнитивные ресурсы, ухудшая способность к сложному мышлению и долгосрочному планированию. Исследования этих связей подтверждают, что люди сокращают горизонт планирования, меньше доверяют институтам [24]. Политики все чаще концентрируются на минимизации ущерба, управлении рисками, сохранении нормальности и адаптации к постоянному давлению кризисов [11]. Элиты становятся более тревожными и переводят обычные проблемы в режим «экзистенциальной угрозы», что позволяет использовать чрезвычайные меры и усиливать контроль [13]. Их легитимность все меньше строится на обещании развития и все больше – на обещании защиты.

На уровне мировой политики меры, которые ранее считались временными и исключительными, становятся устойчивой практикой. Санкции продлеваются

на годы, чрезвычайные полномочия расширяются, военные бюджеты растут, контроль над информационным пространством усиливается, а миграционные, климатические, энергетические и технологические вопросы осмысливаются через управление рисками и переводятся в сферу безопасности. Это меняет логику мировой политики, и вместо долгосрочного сотрудничества усиливаются недоверие, блоковое мышление, закрытие рынков, технологическое размежевание и готовность государств оправдывать жесткие решения необходимостью предотвращения хаоса. Мировая политика становится более фрагментированной, а вместо общего проекта будущего формируются конкурирующие зоны безопасности и модели развития.

Изменения в структуре агентов политической социализации. Если ранее представления о мире формировались преимущественно через такие институты, как семья, учебные заведения, государственные СМИ, проводившие официальные идеологические нарративы, то сегодня они утрачивают монополию. Функцию социализации перехватывают цифровые платформы (TikTok, Telegram, YouTube^{*15}, X^{*16}, VK) и неформальные медиасреды, не связанные с государством [14; 30; 31], которые могут продвигать конкурирующие нарративы. Международные события воспринимаются не через институционально закрепленные объяснительные модели, систематизированные знания и аргументированные причинно-следственные связи, а через короткие видеоролики, стримы, посты лидеров мнений, визуальные образы и эмоциональные переживания. В результате политическая социализация становится более ситуативной, эмоционально насыщенной и фрагментарной [8]. Мировая политика воспринимается большей частью населения не как сложная система взаимосвязанных процессов, а как поток эмоционально заряженных ситуаций (войны, конфликты, террористические акции, санкции и т.п.), которые требуют быстрых решений и оценок.

Меняется содержательная часть социализации и самих государств. Многие государства в 1990–2010-е гг. социализировались через международные организации и инициативы в нормах либерального международного порядка (правил ВТО, принципов свободного рынка, западных стандартов демократии, институционального многостороннего регулирования и др.). В настоящее время мы можем говорить о десоциализации в отношении этих норм и переходе к логике стратегической автономии. На первый план выходит приоритет национальных интересов, защита суверенитета и международной субъектности, сопровождающиеся силовыми способами отстаивания своих позиций, санкционными режимами, блокировкой активов, стремлением к технологической автономии, контролю информационных потоков.

¹⁵ *Доступ к информационному ресурсу YouTube ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», 18+.

¹⁶ *Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением недостоверной общественно значимой информации, 18+.

Изменения в акторах и нормах социализации позволяют говорить о более глубокой трансформации мировой политики, выражающейся в отказе от универсалистских моделей в пользу более фрагментированных моделей международных отношений и конкуренции суверенитетов.

Мировая политика становится более аффективной. Внешнеполитические решения все чаще опираются на ресентименты, стремление к реваншу, восстановлению исторической справедливости, вызывая эмоции обиды, унижения, страха, гордости и др. Проблематика эмоций, пронизывающих мировую политику, хорошо разработана такими исследователями, как Н.Кроуфорд [16], Э.Хатчисон и Р.Блейкер [22]. Р.Петерсен на примере Балкан выделяет три типа конфликтных ситуаций, связанных с пятью эмоциями, влияющими на поведение [39]. Результаты исследований этих и других ученых показывают, что эмоции бросают вызов многим укоренившимся предположениям в теории международных отношений.

Эмоции в современной мировой политике следует рассматривать не как иррациональное отклонение от «нормальной» политики, а как один из механизмов производства коллективной идентичности и политической солидарности. Внешняя политика все чаще формулируется как защита не только территории или ресурсов, но и «себя» – исторического образа нации, ее места в мире и морального права на самостоятельное действие [36; 37]. Поэтому государства и политические лидеры часто обращаются к образам коллективного достоинства, признания, утраты и восстановления статуса. Вследствие этого конфликтующие стороны воспринимают друг друга не как рациональных акторов, с которыми возможно согласование интересов, а как угрозу коллективной идентичности, ценностному порядку и символическим основаниям политического режима. Компромисс становится почти не достижимым, так как уступка начинает интерпретироваться не как рациональный инструмент деэскалации, а как слабость, предательство или новое национальное унижение [13; 43]. В этом контексте прошлое превращается в политический ресурс, с помощью которого государства и политические движения конструируют представления о справедливости, вине, жертвенности и исторической миссии [7; 32]. Все это создает почву для популистской, националистической и реваншистской политики [9; 17].

Для анализа таких процессов мировой политики или урегулирования такого рода конфликтов традиционный инструментарий весьма ограничен. Ранее мы писали о возможности аккуратного применения методов социального психоанализа [2] и надеемся, что эти идеи получают свое развитие в других научных работах.

Конкуренции идентичностей и моделей порядка. В современной мировой политике усиливается конкуренция не только между государствами и блоками, но и между различными моделями политической идентичности, легитимности и международного порядка. Конфликты становятся более многослойными, так как международная политика понимается не только как борьба материальных

интересов, но и как пространство производства идентичностей, норм и представлений о «своих» и «чужих», «своем» и «чужом».

Кроме того, наряду со спорами о демократии, правах человека и рыночной экономике все большее значение получают дискуссии о цивилизационном суверенитете, культурной автономии, постколониальном неравенстве и праве государств на собственное понимание модели своего развития. Конкуренция идет уже не только вокруг вопроса о том, «какой режим эффективнее», но и вокруг вопроса «кто имеет право определять универсальные нормы мирового порядка?» [3; 4]. Одним из проявлений этих изменений является обращение государств к вопросу цивилизационной исключительности и культурно-исторической самобытности. Понятия «государство-цивилизация», «суверенная цивилизация», «традиционные ценности» используются не только как элементы внутренней легитимации, но и как инструменты внешнеполитического позиционирования. Они дают возможность государствам позиционировать себя как носителей особой исторической миссии, культурной традиции и альтернативного видения мировой политики [15; 21].

Апеллирование западных государств и их союзников к либеральному международному порядку, демократии, правам человека и «порядку, основанному на правилах» воспринимается рядом стран как доминирование Запада, асимметрия мировой политики и неравномерное распределение власти в международных институтах [27]. Альтернативами выступают такие категории, как «Глобальный Юг», «многополярность», «суверенная цивилизация» и т.п. Они не только описывают международную реальность, но и предлагают определенный способ ее интерпретации. Например, категория «Глобальный Юг» используется для обозначения не просто географической или экономической группы стран, а широкой политической позиции, связанной с критикой западоцентричности мирового порядка, опытом постколониального неравенства и стремлением к более инклюзивному глобальному управлению [20; 42].

Таким образом, современная мировая политика развивается как конкуренция не только геополитических и экономических интересов, но и идентичностей, исторических нарративов и моделей легитимного порядка, борьбы за право определять смысл справедливости и суверенитета в международных отношениях.

Проведенный автором статьи сравнительный анализ восприятия миропорядка и понимания своей роли четырьмя глобальными акторами (Россия, США, Китай, ЕС) по критериям коллективной идентичности, исторической памяти, главной ценности и образу мира выявил значимые различия этих стран. Подчеркнем, что выбранные критерии сравнения являются не вторичными идеологическими надстройками, а значимыми механизмами интерпретации международной среды, так как они определяют границы допустимого, формируют образы угроз и легитимизируют модели внешнеполитического поведения.

Россия рассматривает себя как «государство-цивилизацию», самодостаточный центр мирового развития и один из полюсов формирующейся

многополярности. Такая самоидентификация показывает особую историко-культурную субъектность России и отказ от видения себя как части западоцентричной системы (впрочем, как и любой иной центричности). Отмечая «глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии», в Концепции внешней политики Российской Федерации Россия характеризуется как самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая «русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира», выполняющая особую миссию по поддержанию глобального баланса сил, построению многополярного миропорядка и обеспечению условий для мирного, поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки¹⁷. Базовыми ценностями в российском дискурсе являются традиционные ценности, справедливость и суверенитет, понимаемый не только как юридическая независимость государства, но и как право на самостоятельное культурное, идеологическое и цивилизационное развитие.

Историческая память России в значительной степени аккумулируется вокруг «решающего вклада в победу во Второй мировой войне, а также деятельной роли в создании современной системы международных отношений и ликвидации мировой системы колониализма»¹⁸. При этом для России характерно травматическое восприятие распада СССР и 1990-х гг. как периода утраты статуса, институциональной слабости, социально-экономической дезорганизации и рисков внешней зависимости. Оценка этого периода является одним из аргументов против некритического заимствования западных моделей и аргументом в пользу необходимости восстановления сильного государства, способного защищать суверенитет и обеспечить историческую преемственность. Соответственно, мир в российском нарративе представлен как пространство борьбы за суверенитет, признание и равноправие цивилизационных центров. Современные мировые процессы интерпретируются как переход от западной гегемонии к многополярности, где различные регионы и цивилизации имеют право на собственные политические и ценностные модели.

Китай конструирует свою международную идентичность через идею национального возрождения цивилизации, преодолевшей «столетие унижений» и возвращающейся к центральному месту в мировой системе. Историческая память о внешнем давлении, опиумных войнах, японской агрессии, гражданских войнах и внутреннем хаосе работает на формирование связей между национальным достоинством, территориальной целостностью, политической стабильностью и сильной государственностью. Об этом свидетельствуют основополагающие

¹⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 31 марта 2023 г. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.

¹⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 31 марта 2023 г. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.

государственные документы КНР¹⁹. В Конституции КНР отмечается, что «китайский народ, волна за волной, вел героическую борьбу за национальную независимость и освобождение, за демократию и свободу»²⁰. В отличие от либерального индивидуализма, присущего большинству западных дискурсов, китайская политическая философия акцентирует внимание на приоритете коллективного порядка, развития, социальной стабильности и руководящей роли партии-государства.

Относительно образа будущего мира Китай предлагает концепт «сообщества единой судьбы человечества». Считается, что эта концепция предполагает не универсализацию (что характерно для западного подхода), а сочетание суверенного равенства, экономической взаимосвязанности, инфраструктурного развития, междивизиационного диалога и отказа от прямого вмешательства во внутренние дела государств. Однако есть и другие мнения, утверждающие, что китайский концепт универсалистский и схож с американским. Авторы публикации «“Великое единство” и “Сияющий город на холме”: утопические видения и потенциал мира между Китаем и Америкой», сравнивая американскую мечту о «Городе на холме» и китайскую мечту о «Великом единстве», отмечают: «...Исторически имперские проекты Китая и Америки были, соответственно, продиктованы космологическими и духовными идеалами универсального значения. Сознательно или бессознательно, эти глубоко укоренившиеся культурные идеалы продолжают влиять на то, как Китай и Америка взаимодействуют с миром и друг с другом. Мы утверждаем, что стремление к подлинному миру и взаимопониманию между Китаем и Америкой основывается не на отказе от глубочайших идеалов этих двух цивилизаций, а на обновлении этих видений, переосмыслении их первоначального смысла и мотивации, а также на исследовании того, как их можно синтезировать, приводя к взаимному процветанию всего человечества» [34].

Одним из инструментов реализации китайской идеи «сообщества единой судьбы» выступает инициатива «Один пояс, один путь», направленная, согласно документам КНР, «на экономическое сотрудничество, а не на геополитические или военные альянсы. Это открытый и инклюзивный процесс, который не преследует и не исключает ни одну из сторон. Вместо формирования эксклюзивных групп или «китайского клуба» она призвана помочь Китаю и остальному миру воспользоваться возможностями и добиться общего развития. Это не частный путь

для какой-либо одной стороны, а широкий путь, к которому могут присоединиться все заинтересованные страны для совместной работы на благо всех»²¹. Инициатива «Один пояс, один путь», по мнению Китая, – «пример построения глобального сообщества общего будущего и глобальная платформа для общественного блага и сотрудничества, предоставленная Китаем миру»²².

Главной ценностью в китайском дискурсе является развитие, рассматриваемое как условие социальной стабильности, преодоления бедности, технологической модернизации и международного признания.

США воспринимают себя как исключительное политическое сообщество, основанное на идеях свободы, индивидуальных прав, конституционализма, демократии и универсальной миссии. Йоханнес Тимм в докладе «Американская исключительность: концептуальные идеи и эмпирические доказательства» отмечает: «Несмотря на расплывчатость концепции, она предоставляет удобный инструмент для анализа всего, что вызывает недоумение в отношении идентичности и поведения американцев» [45, p. 15]. Одним из устойчивых символов американской самоидентификации²³ является метафора «града на холме»²⁴, которая связывает внутренний политический опыт США с представлением о нормативной привлекательности американской модели для мира [45].

Вместе с тем историческая память США неоднородна. Она включает не только память о революционном основании, победе во Второй мировой войне и холодной войне, но и травмы рабства, расовой сегрегации, движения за гражданские права, войны во Вьетнаме, 11 сентября 2001 г. (показавшего уязвимость США) и последующих войн на Ближнем Востоке. Эти пласты памяти формируют двойственный образ США – одновременно как самокритичной демократии и как державы, рассматривающей собственные ценности как универсальные, а свои интересы как доминирующие в ущерб другим.

В Стратегии национальной безопасности США 2022 г. мир описывался через конкуренцию демократии и автократии, защиту «свободного» и «открытого» международного порядка и сохранение порядка, основанного на правилах²⁵.

21 A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions. Beijing, September 2023. URL: https://english.scio.gov.cn/whitepapers/2023-09/26/content_116710660.htm.

22 A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions. Beijing, September 2023. URL: https://english.scio.gov.cn/whitepapers/2023-09/26/content_116710660.htm; Global Development Initiative: Concept Paper. 2021. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/GDI_140002/wj/202406/P02024060606193448267.pdf.

23 Lepore, Jill. "How America Became 'A City Upon a Hill'." National Endowment for the Humanities, 2016. URL: <https://www.neh.gov/article/how-america-became-city-upon-hill>.

24 Метафора использовалась Дж.Кеннеди: «...наши правительства, во всех ветвях власти, на всех уровнях, национальном, региональном и местном, должны быть подобны городу на холме – построенному и населенному людьми, осознающими свою огромную ответственность и доверие». См.: John F. Kennedy Presidential Library and Museum. The City Upon a Hill Speech: Address of President-Elect John F. Kennedy to a Joint Convention of the General Court of the Commonwealth of Massachusetts. Boston, 9 January 1961. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-9-1961-city-upon-hill-speech>.

25 The White House. National Security Strategy. Washington, DC, October 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.

Однако в Стратегии национальной безопасности 2025 г. акцент смещается от либерально-интервенционистского универсализма к доктрине America First – «гибкому реализму», экономической мощи, технологическому лидерству, военному сдерживанию и более осторожному отношению к навязыванию другим обществам императива демократических преобразований²⁶. Поэтому для современного восприятия миропорядка США характерно некоторое напряжение между долговременной традицией либеральной исключительности и прагматическим национально-ориентированным подходом.

Главной ценностью остается свобода, но ее внешнеполитическая проекция становится менее однозначной. Она стала соотноситься с конкурентоспособностью, безопасностью, технологическим превосходством и защитой американских интересов.

Европейский союз является особым типом идентичности, которая формировалась не вокруг классической державности, а вокруг идеи интеграции, прежде всего, экономической, и через институционализацию взаимосвязанности, многоуровневое управление, правовые нормы. Европейская интеграция возникла как ответ на опыт двух мировых войн. По сути, Европейское объединение угля и стали 1951 г. было задумано как механизм, который сделает войну между бывшими противниками материально и политически невозможной²⁷. В научной литературе эта особенность определяется как «нормативная сила Европы».

ЕС стремился влиять на международную среду не столько через военное принуждение, сколько через нормы, стандарты, право, процедуры, рынок, регуляторную власть и институционализацию отношений [33]. Мир, с точки зрения ЕС, – это многосторонний, правовой и институционально управляемый порядок, в котором сила ограничена нормами, международным правом и согласованными правилами. В Глобальной стратегии ЕС 2016 г. утверждается приверженность «миропорядку, основанному на правилах», мультилатерализму и центральной роли ООН²⁸. Однако после 2022 г. европейское восприятие миропорядка стало более геополитическим. Возвращается силовая политика в «оспариваемом многополярном мире»²⁹, а Белая книга по европейской обороне 2025 г. исходит из того, что Европа сталкивается с «острой и растущей угрозой» и должна обладать готовностью к сдерживанию³⁰. Следовательно, ЕС сохраняет приверженность мультилатерализму, праву и социальному благополучию, но одновременно

развивает стратегическую автономию, оборонную промышленность и способность к сдерживанию.

Основными ценностями ЕС, согласно статье 2 Договора о Европейском союзе, являются ценности уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства права и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам³¹.

Сравнивая восприятие себя и мира четырьмя крупными игроками (Россией, Китаем, США и ЕС), мы видим наличие глубоких различий в их ценностных основаниях, исторических нарративах и образах желаемого будущего. Интерпретации мировой политики, предлагаемые данными акторами, оказываются слабо совместимыми и в ближайшей перспективе вряд ли смогут стать устойчивой основой для стратегического сотрудничества. Скорее, они будут воспроизводить конкуренцию нормативных проектов и усиливать фрагментацию мирового порядка.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что социологический анализ современных процессов мировой политики способствует более комплексному пониманию глобальных изменений и позволяет раскрыть взаимосвязь между социальными процессами и политической динамикой международных отношений.

Современная трансформация международной системы обусловлена не только изменением соотношения материальных ресурсов между великими державами, но и конкуренцией коллективных идентичностей, исторических нарративов и нормативных представлений о справедливом мировом порядке. Материальное перераспределение силы сопровождается борьбой нарративов и интерпретаций действительности. Международная политика все в большей степени определяется борьбой не просто за влияние, рынки и военные преимущества, но и за право определять легитимные правила глобального управления.

Накопление социальных противоречий внутри западных и незападных обществ усилило кризис доверия к существующим институтам. Рост неравенства, классовая фрагментация, недовольство элитами подрывают универсалистские претензии либерального порядка, так как показывают ограниченность модели глобализации, ассоциируемой с западным лидерством. В этих условиях внешняя политика государств все чаще опирается на мобилизационные идеи суверенитета, безопасности, национального достоинства и исторической справедливости.

Современная международная система вступила в период глубокой трансформации, где Россия оспаривает западноцентричную архитектуру

²⁶ Там же.

²⁷ European Union. History of the European Union 1945–59: Peace in Europe and the Beginnings of Cooperation. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/history-eu/1945-59_en.

²⁸ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Brussels, 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf.

²⁹ A Strategic Compass for Security and Defence. Brussels, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf.

³⁰ White Paper for European Defence – Readiness 2030. Brussels, 2025. URL: https://commission.europa.eu/document/download/e6d5db69-e0ab-4bec-9dc0-3867b4373019_en.

³¹ European Union. Consolidated Version of the Treaty on European Union, Article 2. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/teu/2012/oj/eng>.

безопасности и выступает за многополярность, США стремятся сохранить лидерство в рамках либерального порядка, Китай предлагает альтернативную модель глобализации и управления, ЕС пытается сохранить свои нормативные порядки, а страны Глобального Юга требуют большей субъектности. В этих условиях стабильность будущего мирового порядка будет зависеть не только от баланса военной и экономической мощи, но и от способности ведущих акторов признать множественность исторического опыта, легитимность различных путей развития и необходимость более инклюзивной системы международной безопасности и глобального управления. Мир находится в транзитной фазе между старым либеральным миропорядком (который умер) и контурами новой, фрагментированной и эгоистичной социальной реальности.

Список литературы

1. Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике [Perception and misperception in International Politics]. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. 648 с. ISBN 9785604536247.
2. Комлева В.В. Социальный психоанализ международных отношений: теоретический базис и опыт применения [Social Psychoanalysis of International Relations: Theoretical Basis and Practical Experience] // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 130–150. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-130-150](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-130-150).
3. Acharya A. Before the Nation-State: Civilizations, World Orders, and the Origins of Global International Relations // The Chinese Journal of International Politics. 2023. Vol. 16, № 3. P. 263–288. <https://doi.org/10.1093/cjip/poad011>.
4. Acharya A. The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order // Ethics & International Affairs. 2020. Vol. 34, № 2. P. 139–156. <https://doi.org/10.1017/S0892679420000192>.
5. Allison G.T., Zelikow P. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. 2nd ed. New York: Longman, 1999. 416 p. ISBN 978-0-321-01349-1.
6. Arnsten A.F.T. Stress Signalling Pathways that Impair Prefrontal Cortex Structure and Function // Nature Reviews Neuroscience. 2009. № 10. P. 410–422. <https://doi.org/10.1038/nrn2648>.
7. Bell D. (ed.). Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship Between Past and Present. London: Palgrave Macmillan, 2006. XIII, 275 p. <https://doi.org/10.1057/9780230627482>.
8. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. New York: Cambridge University Press, 2013. 240 p.
9. Betz H.-G. Radical Right-Wing Populism in Western Europe. New York: Palgrave Macmillan, 1994. XI, 226 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-23547-6>.
10. Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease // Alternatives. 2002. Vol. 27. P. 63–92.
11. Boin A., Hart P., Stern E., Sundelius B. The Politics of Crisis Management: Public Leadership under Pressure. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 200 p. <https://doi.org/10.1017/9781316339756>.
12. Brown J. Birth Strike: The Hidden Fight over Women’s Work. Oakland, CA: PM Press, 2019. 225 p. ISBN 978-1-62963-638-2.
13. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p. ISBN 978-1-55587-784-2.
14. Cervi L., Tejedor S., García Blesa F. TikTok and Political Communication: The Latest Frontier of Politainment? A Case Study // Media and Communication. 2023. Vol. 11, № 2. P. 203–217. <https://doi.org/10.17645/mac.v11i2.6390>.
15. Coker Ch. The Rise of the Civilizational State. Cambridge: Polity Press, 2019. 224 p. ISBN 978-1-5095-3462-3.
16. Crawford N.C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships // International Security. 2000. Vol. 24, № 4. P. 116–156. <https://doi.org/10.1162/016228800560327>.
17. Damhuis K., Rashkova E.R. The Politics of Resentment: What Is It and How Is It Mobilized by Populist Radical Right-Wing Parties in Different Contexts? // Frontiers in Political Science. 2024. Vol. 6. Article 1390228. <https://doi.org/10.3389/fpos.2024.1390228>.
18. Feinstein Y. Rallying around the President: When and Why Do Americans Close Ranks behind Their Presidents during International Crisis and War? // Social Science History. 2016. Vol. 40, № 2. P. 305–338. <https://doi.org/10.1017/ssh.2016.5>.
19. Goodhart D. The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics. London: C.Hurst & Co., 2017. 280 p. ISBN 978-1-84904-799-9.
20. Haug S., Braveboy-Wagner J., Maihold G. The “Global South” in the Study of World Politics: Examining a Meta Category // Third World Quarterly. 2021. Vol. 42, № 9. P. 1923–1944. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1948831>.
21. Haug S., Roychoudhury S. Civilizational Exceptionalism in International Affairs: Making Sense of Indian and Turkish Claims // International Affairs. 2023. Vol. 99, № 2. P. 531–549. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaac317>.
22. Hutchison E., Bleiker R. Theorizing Emotions in World Politics // International Theory. 2014. Vol. 6, № 3. P. 491–514. <https://doi.org/10.1017/S1752971914000232>.
23. Janis I.L. Groupthink: Psychological Studies of Policy Decisions and Fiascoes. 2nd ed. Boston: Houghton Mifflin, 1982. 349 p. ISBN 0-395-31704-5.
24. Joseph J. Resilience as Embedded Neoliberalism: A Governmentality Approach // Resilience: International Policies, Practices and Discourses. 2013. Vol. 1, № 1. P. 38–52. <https://doi.org/10.1080/21693293.2013.765741>.
25. Kalhousová I., Finkel E., Kocián J. Historical Analogies, Traumatic Past and Responses to the War in Ukraine // International Affairs. 2024. Vol. 100, № 6. P. 2501–2523. <https://doi.org/10.1093/ia/iiae228>.
26. Khong Yuen Foong. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992. 286 p. ISBN 978-0-691-07846-5.
27. Lake D.A., Martin L.L., Risse T. Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization // International Organization. 2021. Vol. 75, Special Issue 2. P. 225–257. <https://doi.org/10.1017/S0020818320000636>.
28. Lee J., Jeong E. The 4B Movement: Envisioning a Feminist Future with/in a Non-Reproductive Future in Korea // Journal of Gender Studies. 2021. Vol. 30, № 5. P. 633–644. <https://doi.org/10.1080/09589236.2021.1929097>.
29. Liang Xiao; Tian Nan, Lopes da Silva D., Scarazzato L., Karim Z.A., Guiberteau R.Jade. Trends in World Military Expenditure, 2025. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute, April 2026. <https://doi.org/10.55163/ZLHQ1057>.
30. Literat I., Kligler-Vilenchik N. TikTok as a Key Platform for Youth Political Expression: Reflecting on the Opportunities and Stakes Involved // Social Media + Society. 2023. Vol. 9, № 1. <https://doi.org/10.1177/20563051231157595>.
31. Loader B.D., Vromen A., Xenos M.A. The Networked Young Citizen: Social Media, Political Participation and Civic Engagement // Information, Communication & Society. 2014. Vol. 17, № 2. P. 143–150. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.871571>.
32. Mälksoo M. ‘Memory Must Be Defended’: Beyond the Politics of Mnemonical Security // Security Dialogue. 2015. Vol. 46, № 3. P. 221–237. <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>.
33. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40, № 2. P. 235–258. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353>.
34. McCormick J., Palmer D.A., Carter J. The ‘Great Unity’ and the ‘Shining City upon a Hill’: Utopian Visions and the Potential for Peace between China and America // The Great Decoupling Publisher: Springer Nature Singapore, 2025. Pp. 227–245. https://doi.org/10.1007/978-981-96-8426-7_12.
35. Menon A., Abramson Ye., Dulay D., Jones P. The Effect of Historical Analogies on Foreign Policy Attitudes // Security Studies. 2025. Vol. 34, № 4. P. 689–713. <https://doi.org/10.1080/09636412.2025.2537651>.
36. Mercer J. Feeling Like a State: Social Emotion and Identity // International Theory. 2014. Vol. 6, № 3. P. 515–535. <https://doi.org/10.1017/S1752971914000244>.
37. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12, № 3. P. 341–370. <https://doi.org/10.1177/1354066106067346>.
38. Neoh M.J.Y., Carollo A., Lim M., Esposito G. Hikikomori: A Scientometric Review of 20 Years of Research // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20. Article 5657. <https://doi.org/10.3390/ijerph20095657>.

39. Petersen R.D. Western Intervention in the Balkans: The Strategic Use of Emotion in Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 349 p. ISBN: 978-1-107-01066-6.
40. Pollard M.S., Bouey J., Wang A.X., Pandey R. Fertility Decline in China and Its National Military, Structural, and Regime Security: China Population Research. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2025. 56 p. <https://doi.org/10.7249/RR3372-1>.
41. Rocca J.-L. Tangping (Lying Flat): Subjectivation, Lifestyles, and Voice among Young Chinese // Sociétés politiques comparées. Revue européenne d'analyse des sociétés politiques. 2025. № 65. <https://doi.org/10.36253/spc-19269>.
42. Stuenkel O.D.C. The New World Order and the Global South // Oxford Review of Economic Policy. 2024. Vol. 40, № 2. P. 396–404. <https://doi.org/10.1093/oxrep/graee008>.
43. Subotić J. Narrative, Ontological Security, and Foreign Policy Change // Foreign Policy Analysis. 2016. Vol. 12, № 4. P. 610–627. <https://doi.org/10.1111/fpa.12089>.
44. Suwa M., Suzuki K. The phenomenon of “hikikomori” (social withdrawal) and the socio-cultural situation in Japan today // Journal of Psychopathology. 2013. № 19. P. 191–198.
45. Thimm J. American Exceptionalism: Conceptual Thoughts and Empirical Evidence. Stiftung Wissenschaft und Politik, 2007. 19 p. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/fachpublikationen/AmericanExceptionalism_tmm_07_07.pdf.
46. Tong Xin, Liu Yimu. «Lying Flat»: Chinese Youths' Resistance to Overwork and the Practice of Stratification // Youth and Globalization. 2024. Vol. 5, № 2. P. 231–251. <https://doi.org/10.1163/25895745-05020002>.
47. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. 1974. Vol. 185, № 4157. P. 1124–1131. <https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124>.
48. Van Dijck J., Poell T., de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. New York: Oxford University Press, 2018. 226 p. ISBN 978-0-19-088977-7. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190889760.001.0001>.

Информация об авторе

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 11 июня 2026 г. Одобрена после рецензирования: 20 августа 2026 г. Принята к публикации: 25 августа 2026 г. Опубликовано: 1 сентября 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Moscow: Centr analiza strategij i tekhnologij [Center for Analysis of Strategies and Technologies], 2022. 648 p. [In Russian]. ISBN 9785604536247.

2. Komleva V.V. Social Psychoanalysis of International Relations: Theoretical Basis and Practical Experience. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]. 2025; (4):130–150 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-130-150](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-130-150).
3. Acharya A. Before the Nation-State: Civilizations, World Orders, and the Origins of Global International Relations. The Chinese Journal of International Politics. 2023; 16(3):263–288 [In English]. <https://doi.org/10.1093/cjip/poad011>.
4. Acharya A. The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order. Ethics & International Affairs. 2020; 34(2):139–156 [In English]. <https://doi.org/10.1017/S0892679420000192>.
5. Allison G.T., Zelikow P. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. 2nd ed. New York: Longman, 1999. 416 p. [In English]. ISBN 978-0-321-01349-1.
6. Arnsten A.F.T. Stress Signalling Pathways that Impair Prefrontal Cortex Structure and Function. Nature Reviews Neuroscience. 2009; 10:410–422 [In English]. <https://doi.org/10.1038/nrn2648>.
7. Bell D. (ed.). Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship Between Past and Present. London: Palgrave Macmillan, 2006. XIII, 275 p. [In English]. <https://doi.org/10.1057/9780230627482>.
8. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. New York: Cambridge University Press, 2013. 240 p. [In English].
9. Betz H.-G. Radical Right-Wing Populism in Western Europe. New York: Palgrave Macmillan, 1994. XI, 226 p. [In English].
10. Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease. Alternatives. 2002; 27:63–92 [In English]. <https://doi.org/10.1177/03043754020270S105>.
11. Boin A., Hart P., Stern E., Sundelius B. The Politics of Crisis Management: Public Leadership under Pressure. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 200 p. [In English]. <https://doi.org/10.1017/9781316339756>.
12. Brown J. Birth Strike: The Hidden Fight over Women's Work. Oakland, CA: PM Press, 2019. 225 p. [In English]. ISBN 978-1-62963-638-2.
13. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p. [In English]. ISBN 978-1-55587-784-2.
14. Cervi L., Tejedor S., García Blesa F. TikTok and Political Communication: The Latest Frontier of Politainment? A Case Study. Media and Communication. 2023; 11(2):203–217 [In English]. <https://doi.org/10.17645/mac.v11i2.6390>.
15. Coker Ch. The Rise of the Civilizational State. Cambridge: Polity Press, 2019. 224 p. [In English]. ISBN 978-1-5095-3462-3.
16. Crawford N.C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships. International Security. 2000; 24(4):116–156 [In English]. <https://doi.org/10.1162/016228800560327>.
17. Damhuis K., Rashkova E.R. The Politics of Resentment: What Is It and How Is It Mobilized by Populist Radical Right-Wing Parties in Different Contexts? Frontiers in Political Science. 2024; 6. Article 1390228 [In English]. <https://doi.org/10.3389/fpos.2024.1390228>.
18. Feinstein Y. Rallying around the President: When and Why Do Americans Close Ranks behind Their Presidents during International Crisis and War? Social Science History. 2016; 40(2):305–338 [In English]. <https://doi.org/10.1017/ssh.2016.5>.
19. Goodhart D. The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics. London: C.Hurst & Co., 2017. 280 p. [In English]. ISBN 978-1-84904-799-9.
20. Haug S., Braveboy-Wagner J., Maihold G. The “Global South” in the Study of World Politics: Examining a Meta Category. Third World Quarterly. 2021; 42(9):1923–1944 [In English]. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1948831>.
21. Haug S., Roychoudhury S. Civilizational Exceptionalism in International Affairs: Making Sense of Indian and Turkish Claims. International Affairs. 2023; 99(2):531–549 [In English]. <https://doi.org/10.1093/ia/iia317>.
22. Hutchison E., Bleiker R. Theorizing Emotions in World Politics. International Theory. 2014; 6(3):491–514 [In English]. <https://doi.org/10.1017/S1752971914000232>.
23. Janis I.L. Groupthink: Psychological Studies of Policy Decisions and Fiascoes. 2nd ed. Boston: Houghton Mifflin, 1982. 349 p. [In English]. ISBN 0-395-31704-5.
24. Joseph J. Resilience as Embedded Neoliberalism: A Governmentality Approach. Resilience: International Policies, Practices and Discourses. 2013; 1(1):38–52 [In English]. <https://doi.org/10.1080/21693293.2013.765741>.

25. Kalhousová I., Finkel E., Kocián J. Historical Analogies, Traumatic Past and Responses to the War in Ukraine. *International Affairs*. 2024; 100(6):2501–2523 [In English]. <https://doi.org/10.1093/ia/iaae228>.
26. Khong Yuen Foong. *Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992. 286 p. [In English]. ISBN 978-0-691-07846-5.
27. Lake D.A., Martin L.L., Risse T. Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization. *International Organization*. 2021; 75(Special Issue 2):225–257 [In English]. <https://doi.org/10.1017/S0020818320000636>.
28. Lee J., Jeong E. The 4B Movement: Envisioning a Feminist Future with/in a Non-Reproductive Future in Korea. *Journal of Gender Studies*. 2021; 30(5):633–644 [In English]. <https://doi.org/10.1080/09589236.2021.1929097>.
29. Liang Xiao; Tian Nan, Lopes da Silva D., Scarazzato L., Karim Z.A., Guiberteau R.Jade. Trends in World Military Expenditure, 2025. Stockholm International Peace Research Institute, April 2026. [In English]. <https://doi.org/10.55163/ZLHQ1057>.
30. Literat I., Kligler-Vilenchik N. TikTok as a Key Platform for Youth Political Expression: Reflecting on the Opportunities and Stakes Involved. *Social Media + Society*. 2023; 9(1) [In English]. <https://doi.org/10.1177/20563051231157595>.
31. Loader B.D., Vromen A., Xenos M.A. The Networked Young Citizen: Social Media, Political Participation and Civic Engagement. *Information, Communication & Society*. 2014; 17(2):143–150 [In English]. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.871571>.
32. Mälksöo M. 'Memory Must Be Defended': Beyond the Politics of Mnemonical Security. *Security Dialogue*. 2015; 46(3):221–237 [In English]. <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>.
33. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. 2002; 40(2): 235–258 [In English]. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353>.
34. McCormick J., Palmer D.A., Carter J. The 'Great Unity' and the 'Shining City upon a Hill': Utopian Visions and the Potential for Peace between China and America. *The Great Decoupling*. Publisher: Springer Nature Singapore, 2025:227–245 [In English]. https://doi.org/10.1007/978-981-96-8426-7_12.
35. Menon A., Abramson Ye., Dulay D., Jones P. The Effect of Historical Analogies on Foreign Policy Attitudes. *Security Studies*. 2025; 34(4):689–713 [In English]. <https://doi.org/10.1080/09636412.2025.2537651>.
36. Mercer J. Feeling Like a State: Social Emotion and Identity. *International Theory*. 2014; 6(3):515–535 [In English]. <https://doi.org/10.1017/S1752971914000244>.
37. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. *European Journal of International Relations*. 2006; 12(3):341–370 [In English]. <https://doi.org/10.1177/1354066106067346>.
38. Neoh M.J.Y., Carollo A., Lim M., Esposito G. Hikikomori: A Scientometric Review of 20 Years of Research. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023; 20. Article 5657 [In English]. <https://doi.org/10.3390/ijerph20095657>.
39. Petersen R.D. *Western Intervention in the Balkans: The Strategic Use of Emotion in Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 349 p. [In English]. ISBN: 978-1-107-01066-6.
40. Pollard M.S., Bouey J., Wang A.X., Pandey R. Fertility Decline in China and Its National Military, Structural, and Regime Security: China Population Research. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2025. 56 p. [In English]. <https://doi.org/10.7249/RR3372-1>.
41. Rocca J.-L. Tangping (Lying Flat): Subjectivation, Lifestyles, and Voice among Young Chinese. *Sociétés politiques comparées. Revue européenne d'analyse des sociétés politiques*. 2025; 65 [In English]. <https://doi.org/10.36253/spc-19269>.
42. Stuenkel O.D.C. The New World Order and the Global South. *Oxford Review of Economic Policy*. 2024; 40(2):396–404 [In English]. <https://doi.org/10.1093/oxrep/gra008>.
43. Subotić J. Narrative, Ontological Security, and Foreign Policy Change. *Foreign Policy Analysis*. 2016; 12(4):610–627 [In English]. <https://doi.org/10.1111/fpa.12089>.
44. Suwa M., Suzuki K. The phenomenon of “hikikomori” (social withdrawal) and the socio-cultural situation in Japan today. *Journal of Psychopathology*. 2013; 19:191–198 [In English].
45. Thimm J. *American Exceptionalism: Conceptual Thoughts and Empirical Evidence*. Stiftung Wissenschaft und Politik, 2007. 19 p. [In English]. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/fachpublikationen/AmericanExceptionalism_tmm_07_07.pdf.
46. Tong Xin, Liu Yimu. «Lying Flat»: Chinese Youths' Resistance to Overwork and the Practice of Stratification. *Youth and Globalization*. 2024; 5(2):231–251 [In English]. <https://doi.org/10.1163/25895745-05020002>.

47. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*. 1974; 185(4157):1124–1131 [In English]. <https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124>.
48. Van Dijck J., Poell T., de Waal M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. New York: Oxford University Press, 2018. 226 p. [In English]. ISBN 978-0-19-088977-7. <https://doi.org/10.1093/oso/97801908897760.001.0001>.

About the author

Valentina V. KOMLEVA. DSc. (Sociol.). Professor. Deputy Director for Research, National Research Institute for the Communications Development. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation. komleva@nicrus.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 11, 2026. Approved after review: August 20, 2026. Accepted for publication: August 25, 2026. Published: September 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.